

© 2012 г. *М.И. Александрова*
УДК 81

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОДТЕКСТА
В ПОВЕСТВОВАНИИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА**

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является проблема изучения подтекста. На сегодняшний день нет единства мнений даже относительно диапазона явлений, отражающих подтекст как многогранный феномен, как следствие – отсутствует терминологическое единство: разнообразие терминов, используемых в исследовании подтекста, объясняется, как представляется, многоаспектностью данного лингвистического феномена, различием исходных позиций, с которых он рассматривается.

В.В. Виноградов называет подтекст «потенциальной семантикой реплик». В.Г. Адмони – к термину «глубинное напряжение». В концепции Т.И. Сильман актуализируется термин «глубина текста». При анализе глубинной выраженности подтекстной информации используются также термины «импликация», «имплицитность». Н.В. Пушкарёва понимает под подтекстом непосредственный имплицитный смысловой уровень, включающий информацию, которая углубляет и уточняет основное повествование. Эта информация закладывается автором в художественный текст путем употребления определенных языковых средств. Таким образом, представляется возможным рассматривать подтекст как имплицитное значение, имплицитные смыслы, реализуемые в микро- и макротексте за счет различных видов информации [1].

До последнего времени закономерности организации повествования от первого лица изучались в функциональном и системном аспектах, как коммуникативное событие, обладающее своей стратегией. Как представляется, для системного описания повествования от первого лица целесообразно учитывать роль и репрезентацию подтекста. Подобный подход позволяет выявить иерархичность организации повествования от первого лица, обуславливающая неоднозначность сочетания его внутренней и внешней сторон и приводящая к появлению скрытого содержания.

Интерпретация подобного содержания с точки зрения априорных авторских интенций осложняется тем, что лексические и стилистические средства, которые в нем задействуются, подчинены созданию образа повествующего «Я», зачастую нетождественного автору произведения. Другими словами, когнитивно-прагматическая организация повествования от первого лица обладает своей спецификой, что отражается на характере оформленности данного типа повествования и, соответственно, на характере воплощения подтекстного содержания. Поскольку подтекст не имеет специфических собственно языковых средств репрезентации, лишь в рамках комплексного подхода возможно выявление сложного механизма формирования этого явления. Представляется необходимым рассматривать особенности репрезентации подтекста в когнитивно-прагматическом аспекте с учетом типа повествования.

Важными параметрами повествования от первого лица как особой разновидностью художественного текста являются: самоидентификация того или иного типа псевдоавтора; автобиографическая память, словесный портрет, в качестве зависимых параметров закономерно выступают пейзажные описания, собственно развитие событий, характеристика персонажей. Кроме того, для анализа подтекста в повествовании от первого лица необходимо определение корреляций с традиционно выделяемыми типами текста и видами информации. Описание как тип текста регулярно представлено портретом, а повествование – автобиографическое или характеризующее – связано с самоидентификацией как видом информации. Оба вида информации соотносятся с автобиографической памятью персонажа, которая репрезентируется как описанием, так и повествованием как типами текста. Для описания как реализации подтекстной информации характерны словесный портрет и пейзаж. Специфика соотношения видов информации в словесном портрете определяется конкретизацией типа портретного описания: автопортретирование репрезентирует оба вида информации, при этом доминирует негативное эмоциональное восприятие, что определяет рассогласование двух типов информации; портретные описания других персонажей связаны с реализацией особенностей эмоционального восприятия повествователя. Пейзажные описания, как правило, включены в динамическое повествование, и в совокупности с ним представляют собой развернутую метафору. В них репрезентируется специ-

фика эмоционального восприятия как тип подтекстной информации. Пейзажные описания актуализируют типизированную зону «автобиографическая память персонажа» и в этом случае соотносимы с самоидентификацией. В особой типизированной смысловой зоне текста – «автобиографическая память персонажа» – представлен синтез двух типов информации. При этом оба этих типа представлены в динамике, устанавливается соотношение конкретной репрезентации информации с событием, его восприятием, воспоминанием об этом событии и/или его восприятии, фиксацией эмоционального переживания в памяти персонажа, влиянием того или иного слоя информации либо сложного информационного комплекса на точку зрения персонажа. Соотношение видов информации и типов текста определяет прагматическую организацию повествования от первого лица, позволяет определить прагматически актуализированные типизированные смысловые зоны текста.

Анализ материала позволяет выявить комплексные когнитивно-прагматические модели репрезентации подтекста. Когнитивно-прагматическая модель подтекста включает в себя в качестве элементов: когнитивный механизм, точку зрения на события (автора, повествователя, рассказчика, персонажа), совпадение/несовпадение пространственно-временных характеристик адресанта и адресата в художественном тексте. Когнитивный механизм как элемент модели представляет собой сложную бинарную систему, включающую различные сочетания интеграции / дезинтеграции и компрессии / декомпрессии. Точка зрения на события в тексте с учетом типа автора / псевдоавтора и позиции наблюдателя также представляет собой систему бинарных оппозиций, для определения модели определяющим является признак совпадения/несовпадения точек зрения. Совпадение / несовпадение пространственно-временных характеристик адресанта и адресата в художественном тексте является факультативным прагматически ориентированным элементом модели.

Предлагаемые когнитивно-прагматические модели могут иметь несколько модификаций, образующих варианты в зависимости от совпадения / несовпадения точек зрения автора / повествователя, а также в зависимости от совпадения / несовпадения пространственно-временных характеристик автора / псевдоавтора. Эти модели репрезентации подтекста релевантны для различных видов художественного текста, однако тип субъектной организации может накладывать ограничения на реализацию модели или ее модификации.

Модель 1: когнитивная интеграция + компрессия + совпадение точек зрения + темпорально-пространственные характеристики. Данная модель вариативна и включает: модель 1а когнитивная интеграция + компрессия + совпадение точек зрения + совпадение пространственных характеристик: *Поздно вечером входивший в прихожую отец, там же у двери, вроде бы не обращая внимания на меня, услышавшего, узнавшего его по короткой оплелухе о дверь подъезда, как-то стремительно и одновременно мрачно начал раздеваться. Столь быстро, будто за раздеванием должно непременно последовать наказание. Я теперь сказал бы: не раздевался - разоблачался. Будто суровая военная форма мешает ему воплотить это наказание. Сковывает его движения, как болезнь. У вешалки, прямо у хлипкой двери, не успев ее толком затворить, он сбрасывал свой замечательный военный хитин, почти срывая череду золотых пуговиц, - вот-вот они разлетятся, сверкая. Он пробежал тонкими пальцами по кителю быстрее, чем пуговицы выскакивали из петель. Он их словно заводил, магнетизировал, и они растягивались сами по себе, чтобы блеснуть редкостной заворачивающей искрой. Поддаваясь гипнозу, я стоял ни жив ни мертв. Он стягивал сапоги, и меня настигал флер усталости его тела. Дрыгая ногами, как пацан, молодеющий отец разматывал бинты портянок, запревших за день, в ржавых сырых следах. Босыми ступнями нащупывал тапочки, как кочки в зыбком болоте. И он вступал в дисперсное поле сплошной неуверенности. Начиная наново жить (Н.Кононов «Нежный театр»).*

Использование настоящего и прошедшего времен в повествовании маркирует не только темпоральные доминанты двух измерений, но также выявляемое в подтексте смещение точки зрения персонажа с одного измерения на другое. Актуализируя настоящее время при описании содержания интегрированного измерения, повествователь выражает свою точку зрения как взрослого человека. Интегрированное темпоральное измерение обнаруживается в настоящем, поскольку ситуация описывается с точки зрения персонажа-взрослого.

В процессе концептуальной интеграции темпоральных измерений в подтекстном плане приведенного отрывка обнаруживается три персонажа: повествователь, описывающий события, повествователь-ребенок, отец повествователя. В то же самое время концептуальная интеграция, сохраняя

временная дистанция между персонажами, реализует в тексте прагматический эффект помещения двух персонажей (повествователя-взрослого и отца повествователя) в один визуальный контекст.

Модель 1б: когнитивная интеграция + компрессия + совпадение точек зрения + несовпадение темпоральных характеристик: *Да и на что я был тогда способен в этом заторможенном времени военного городка? Серый заплаканный кирпич трехэтажных домишек, газовые трубы, серебряными жилами пущенные от дома к дому, упитанные тетки носят на руках младенцев в одеяльцах. Время неизменно. Дети всегда остаются маленькими. Они пищат, их самозабвенно укачивают, предъявляют друг другу, над ними укают и гуляют. Все предметы, кажется, уже стерты и лишены своих имен, они ничем не помечены. И это - конец жизни моего отца, ее зримый избыточный предел. Если вообще возможен предел неизменности. Когда седьмое ноября этого года повторит седьмое ноября года позапрошлого и одновременно будущего, могущего наступить через год или сто десять лет. Это - тавтология пассивности, повторяемость того, что само по себе уже ничего не значит. Отец существует в этом не-пространстве (Н.Кононов «Нежный театр»).*

Концептуальная интеграция также помещает двух персонажей в один визуальный контекст, но благодаря совпадению точек зрения персонажа-повествователя с автора-повествователя и несовпадения временных характеристик («заторможенное» прошлое и настоящее, полное ярких эмоциональных переживаний), актуализируется подтекстное, переломное для автора-повествователя переосмысления понятий жизни и конца жизни в настоящем времени.

Модель 2: когнитивная интеграция + декомпрессия + несовпадение точек зрения; совпадение темпорально-пространственных характеристик: *Вот ветровка, серая кепка, армейские ботинки и эти крупные пуговицы. Но, ответив на его быстрое рукопожатие, я позволил себе жест, и мне почему-то до сих пор неловко оттого, что я его так подробно помню. Хотя, собственно, что такого я сделал... В застенчивости покрутил крупную пуговицу на ветровке этого человека, еще не ставшего "моим отцом". Ну, мгновенный неконтролируемый жест, чуть дольше секунды, до двух не успеешь досчитать. Но до сих пор сердце мое сжимается, когда я вспоминаю то поползновение близости. Мой порыв снова ломается о плохую пластмассу, и мои совершенно сухие пальцы от волнения и посея-*

час, когда я это вспоминаю, делаются скользкими. И я совпал со всем, что было вокруг меня. Каким-то образом сам стал всем этим. Пустой голой станцией, опустевшими путями, низким, каким-то надутым, обиженным вечеряющим небом. А всем остальным - я пребывал и подавно. Под ложечкой у меня отчаянно сосало (Н.Кононов «Нежный театр»).

Механизмы когнитивной интеграции и в этом примере помещают двух персонажей (персонаж-ребенок и повествователя) в один контекст, но несовпадение точек их зрения (детская обида персонажа-ребенка на неприятие близости и попытка остранения повествователя от всей ситуации) приводит к распаду персонажа-ребенка *на пустую, голую станцию, опустевшие пути, обиженное, вечеряющее небо*, усиливая многократно восприятие читателем чувства боли, испытанное персонажем-ребенком в детстве и непережитое, непонятое, повествователем в настоящее время.

Модель 3: когнитивная интеграция + компрессия + совпадение точек зрения; несовпадение темпорально-пространственных характеристик: *Впервые я уразумел тогда, что значит "всё равно". Не "все равно", а именно одним словом, слитно. На подступах глухих мордовских лесов, в самих лесах действовала совсем другая орфография. Другие правила нарицания – всех моих качеств, всех моих чувств, всего того, с чем я тогда встречался. Мне даже казалось, что я заново привыкаю к своему имени. Нечасто произносимое отцом, оно медленно ко мне прилипает, обволакивает меня. И я попадаю в зону, откуда давно уехал. Материализуюсь наново. Будто сам себя нарицаваю. А отец, наоборот, из реального человека, о каковом мне все время думалось раньше, становится не вещественным, неким поводом, и к нему я должен был приложить тогда свои чувства, а теперь - их итог, превратившийся в воспоминания. Возможно ли это? Мне кажется, что все легко просачивалось сквозь его тело. Ведь, сгорев, став пеплом, он превратился в сокровенную драгоценность. Чья непомерная роскошь наконец заключена в безвластии надо мной (Н.Кононов «Нежный театр»).*

В частности, в визуальном контексте, благодаря интеграции, оказываются и образ повествователя в *глухих мордовских лесах*, повествователя в *зоне, откуда давно уехал* и образ повествователя-«теперь». Несовпадение темпорально-пространственных характеристик «тогда» – «теперь» актуализируют компрессию повествователя «в глухих мордовских лесах», повествователя «в

зоне, откуда давно уехал», повествователя-«теперь» в образ повествователя-«сейчас», переживающим болезненное состояние раскаяния перед памятью отца, ставшей сокровенной драгоценностью».

Каждая из моделей обладает вариативностью с учетом последнего элемента.

Модель 4: когнитивная дезинтеграция + декомпрессия + несовпадение точек зрения + совпадение темпорально-пространственных характеристик: *Я шел к зеркалу – и пристально и пристрастно смотрел сквозь сдвигающиеся к переносью бусинки прорезей на свою преображенную личину. И первое, за что принимался в сугубом одиночестве, – были ругательства, грязные и похабные, выговариваемые язвительным голоском зверушки, сопровождаемые умильной жестикуляцией и приседаниями добрячка. Это пугающее несовпадение насыщало меня необыкновенным волнением, делало особенным и полнокровным, почти торжественным. Безрассудно и головоломно я бросался в невесомость зазора, разверзшегося между двумя персонажами. Одним - хулящим и глумящимся, и другим - слышащим и наблюдающим. Длительность эту игру мне ничего не стоило. И она, совершаемая без усилий, грозила иссяканием и гибелью, так как за этой раздвоенностью я не признавал самого себя и тем более не чувствовал растраты. Она, эта игра, была сколь нехороша, столь же сладима. Ведь были, были еще там кто-то третий, третья, третья... (Н. Кононов «Нежный театр»).*

Механизм концептуальной интеграции в пространство микротекста совмещает три Я-образа, имеющих несовпадающие, практически противоположные взгляды как друг на друга, так и на реальность. Совпадение темпорально-пространственных характеристик позволяют читателю воспринимать и сопереживать трагедию распад сознания и личности (Я-1 перед зеркалом, Я-2 – личина в зеркале, Я-3 – «в невесомости зазора между» Я-1 и Я-2).

Модели образуют определенную систему, которая закономерно включает и модель, запрещающую репрезентацию подтекста как вида имплицитной информации. Такая модель может быть определена, на наш взгляд, как 0-модель.

Модель 0: когнитивная дезинтеграция + декомпрессия + несовпадение точек зрения + несовпадение темпорально-пространственных характеристик;

Данная гипотетически возможная модель не реализуется, так как сочетание указанных элементов не позволяет репрезентироваться подтекстовой информацией, определяя доминирование явных / прямых, а не косвенных

или скрытых способов передачи информации. Таким образом, в данной модели фиксируется коммуникативная неудача, так как подтекст не достигает своей коммуникативно-прагматической цели: он не узнан и не интерпретирован адресатом.

В повествовании от первого лица совпадение / несовпадение пространственно-временных характеристик связано не столько с автором всего текста, сколько с различными типами псевдоавтора. Тип текста определяет набор псевдоавторов: повествователь, повествователь-рассказчик, рассказчик. Повествователь и автор всего текста могут совпадать, но могут и разграничиваться, что значимо для реализации моделей. Каждая из моделей и их вариантов соотносится с типом псевдоавтора. Значимыми для определения корреляций оказываются такие параметры, как сочетание / взаимодействие когнитивных механизмов и совпадение / несовпадение точки зрения на текстовое событие (событие в тексте). Параметр темпорально-пространственной характеристики зависит от двух других параметров системы и определяет наличие вариантов модели, а также может усиливать или ослаблять прагматический эффект подтекстовой информации.

Когнитивно-прагматические модели репрезентации подтекста в повествовании от первого лица обладают спецификой реализации, которая позволяет установить достаточно четкие корреляции с типом автора/псевдоавтора. В качестве определяющих элементов модели выступают когнитивный механизм и совпадение / несовпадение точек зрения на событие в тексте. Модель 1, включающая когнитивную интеграцию, компрессию, совпадение точек зрения соотносится с автором-повествователем; модель 2, включающая когнитивную интеграцию, декомпрессию, несовпадение точек зрения соотносится с повествователем; модель 3, включающая когнитивную интеграцию, компрессию и совпадение точек зрения – с повествователем-рассказчиком; модель 4, включающая когнитивную дезинтеграцию, декомпрессию и несовпадение точек зрения – с рассказчиком. Параметр темпорально-пространственной характеристики зависит от двух других параметров системы и определяет наличие вариантов модели, а также может усиливать или ослаблять прагматический эффект подтекстовой информации.

Предлагаемые модели являются внутритекстовыми, могут быть рассмотрены как элементы начального уровня в системе моделей репрезентации под-

текста. В таком случае в качестве элементов более высокого уровня, характеризующихся значительно большей степенью абстракции, могут выступать модели, детерминированные процессами порождения и восприятия текста, закономерно включающие автора текста и читателя (продуцента и реципиента текста). Такие модели характеризуются большим набором элементов, их сочетаний, а также более сложной организацией. Так, на наш взгляд, подобные модели должны включать в качестве обязательных элементов коммуникативную ситуацию и коммуникативное событие, интерпретацию и вектор интерпретации, который задается автором всего текста.

В качестве маркеров подтекста выступают лексемы (как правило, представляющие собой метафоры или сравнения), дейктические и личные местоимения, в том числе в сочетании с лексемами со значением речи, мысли, чувства, образующие в пространстве микро- или макротекста контекстуально детерминированные синонимические ряды или оппозиции, близкие к контекстуальной антонимии, возможна и более сложная репрезентация подтекста.

Такие маркеры связаны с различными элементами моделей репрезентации подтекста: как с когнитивными механизмами, так и с прагматически ориентированными облигаторными и факультативными элементами.

Процесс интерпретации современного художественного текста связан с декодированием автора повествования как субъекта, организующего текстовое пространство: ведущий повествование от первого лица, предстает в разных ипостасях, в разных видениях себя, отражаемых и в подтексте повествования (автором-повествователем, повествователем, повествователем-рассказчиком, рассказчиком). В процессе постижения текста читатель вынужден «собирать» разбросанные осколки «Я»-автора, с опорой на подтекст объединять их в единое целое. Подтекст фиксирует эмоциональное влияние, которое оказывает на псевдоавтора происходящее.

Сосуществование прошлого и настоящего коррелирует с читательской интерпретацией событий не как сообщаемых автором, а испытанных персонажем. В когнитивном сознании читателя осуществляется смещение художественной перспективы от повествователя – к содержанию повествования, в сочетании с представленной различными способами, в том числе и через подтекст, точкой зрения псевдоавтора.

Перспективным представляется анализ подтекста в различных типах повествования как облигаторного когнитивно и прагматически значимого элемента художественного текста, в том числе с учетом реализации когнитивно-прагматических моделей и их модификаций, что позволит установить набор таких моделей, а также выявить закономерности их взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пушкарева Н.В.* Языковое выражение подтекстовых смыслов в прозаическом тексте (на материале русской прозы XIX – XXI вв.): автореф. дис. ... докт. филол. Наук. СПб., 2013.
2. *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
3. *Виноградов В.В.* О художественной прозе. М, 1938.
4. *Иванова А.В.* Субъективация повествования: на материале прозы Владимира Маканина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2008.
5. *Мельничук О.А.* Повествование от первого лица, интерпретация текста: На материале современной франкоязычной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
6. *Нюбина Л.М.* Поэтика и прагматика мнемонического повествования: На материале немецкой литературы воспоминаний XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
7. *Просьянникова О.И.* Актуализация имплицитности художественной детали в текстах психологической прозы: На материале английского психологического рассказа XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
8. *Сильман Т.И.* Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки. 1969. № 1.
9. *Шуников В.Л.* «Я»-повествование в современной отечественной прозе: принципы организации и коммуникативные стратегии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

LITERATURE

1. *Pushkarev N.V.* Linguistic expression podtekstovyyh meanings in prose text (on the basis of Russian prose XIX - XXI centuries.): Author. dis. ... Doctor. Philology. Science. SPb., 2013.
2. *Admoni V.G.* System forms of verbal expression. SPb., 1994.
3. *Vinogradov V.V.* About prose. M, 1938.
4. *Ivanov A.V.* Subjectivation narrative: the material of prose Vladimir Makanin: Author. dis. ... Candidate. Philology. Science. Chita, 2008.
5. *Melnychuk O.* First-person narrative, the interpretation of the text: on modern francophone literature: Author. dis. ... Candidate. Philology. Science. Moscow, 2002.
6. *Nyubina L.M.* Poetics and pragmatics mnemonic story: based on German literature memories XX century: author. dis. ... Candidate. Philology. Science. SPb., 2000.
7. *Prosyannikova O.I.* Actualization implicitness artistic details in texts psychological prose: The psychological basis of the English story XX century: author. dis. ... Candidate. Philology. Science. SPb., 2004.
8. *Silman T.I.* The subtext of a linguistic phenomenon // Philology. 1969. Number 1.
9. *Shunikov V.L.* "I"-the narrative in contemporary Russian prose: the principles of organization and communication strategies: Author. dis. ... Candidate. Philology. Science. M., 2006.

Южный

федеральный университет

27 декабря 2012 г.